Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-3-84-93

Криминалистика: особенности дидактики версионного мышления

Александр Федорович Лубин

Нижегородская академия Министерства внутренних дел России
Нижний Новгород, Россия

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

ale-lubin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2937-5557>

Аннотация

Рассматривается сущность версионного мышления субъектов выявления и расследования преступлений. Автор приводит – со своими комментариями – ряд определений еще не устоявшегося понятия «криминалистическое мышление». При этом выясняется, что сущность этого понятия становится всё более размытой и абстрактной. Автор утверждает, что не существует особого криминалистического мышления, поскольку основа любого мышления – знания из разных отраслей науки, однако можно говорить о версионном стиле анализа информации. Формирование такого стиля мышления – задача обучения. Это ответ на вопрос «чему учить?» (содержание обучения). Другой вопрос – «как учить?» Здесь содержатся особенности дидактики (цели, принципы и приемы преподавания). По мнению автора, термин «криминалистическая деятельность» не является корректным. По причине того, что в какой-то – адвокатской, прокурорской, судейской (и даже преступной) – деятельности используются криминалистические средства, она не становится криминалистической. В статье раскрываются некоторые педагогические особенности формирования на практических занятиях по криминалистике динамического стереотипа версионного мышления по типу условно-вероятностного силлогизма.

Ключевые слова

криминалистика, криминалистическое мышление, версионный стиль мышления, криминалистическая деятельность, расследование преступлений, дидактические особенности обучения, карта криминалистического анализа информации

Для цитирования

Лубин А. Ф. Криминалистика: особенности дидактики версионного мышления // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 3. С. 84–93. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-3-84-93

© Лубин А. Ф., 2021

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 3. С. 84–93
Juridical Science and Practice, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 84–93

Forensic Science: Features of Didactics Versioned Thinking

Alexander F. Lubin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

ale-lubin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2937-5557>

Annotation

The article examines the essence of versioned thinking of the subjects of detecting and investigating crimes. The author cites – with his comments – a number of definitions of the not yet established concept of “forensic thinking”. At the same time, it turns out that the essence of this concept is becoming more and more blurred and more and more abstract. The author claims, it is argued that there is no special forensic thinking, since the basis of any thinking is knowledge from different branches of science, however, we can talk about a versioned style of information analysis. Developing this style of thinking is a learning task. This is the answer to the question “what to teach?” (content of training). Another question is “how to teach?” Here are the features of didactics (goals, principles and teaching methods). According to the author, the term “forensic activity” is not correct. Due to the fact that criminalistic means are used in some – lawyer, prosecutor’s, judicial (and even criminal) – activity, it does not become forensic. The article reveals some of the pedagogical features of the formation of a dynamic stereotype of versioned thinking in practical lessons in forensic science by the type of conditional-probabilistic syllogism.

Keywords

forensic thinking, versioned style of thinking, forensic activity, crime investigation, didactic features of training, a map of forensic analysis of information

For citation

Lubin A. F. Forensic Science: Features of Didactics Versioned Thinking. *Juridical Science and Practice*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 84–93. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-3-84-93

Большинство людей – особенно молодых – не любят нотаций. Самое слово «дидактика» иногда считается синонимом нравоучений и проповеди морального поведения. Не слишком веселым словом «дидакал» в Древней Греции называли учителя. Теперь – в вузах – профессору дали ярлык, схожий с ругательством – «педраб» («педагогический работник»). Топ-менеджеры учебного процесса многое делают для отчуждения себя от педагогов, а педагогов – от обучаемых.

В наше время большинство российских дидактов предпочитают осторожность как проявление благоразумия. Когда в недалеком прошлом профессор В. Я. Колдин (МГУ) предложил для обсуждения инновационную («европейскую») структуру пятитомного учебника криминалистики «Технологии доказывания в праве», он запасся волчьей шубой и ждал ареста. Его, конечно, не арестовали, не сослали в желтый дом, но и обсуждения никакого не было. Учебники донесли, что причина в «общем расположении умов» на кафедре. Использован изуверский прием чиновников от дидактики: «При необходимости мы вернемся к этому вопросу (проблеме, предложению)». Формально отказа нет. Остается ждать пришествия этой необходимости, если позволит здоровье. Здоровье профессора не позволило дожидаться обсуждения фундаментального проекта.

Трудно забыть божественные заповеди Яна Каменского: учить нужно быстро, весело и основательно. От общего к частному, от простого к сложному... Всё постоянно одним и тем же методом, который должен быть возведен в научную теорию». И далее на грани фола: «Мы решаемся обещать Великую дидактику, т. е. универсальное искусство всех учить всему. И притом учить с верным успехом, так, чтобы неуспеха последовать не могло» [1, с. 161].

Хотелось бы увидеть эту дидактику своими глазами.

По В. О. Ключевскому, «преподавание принадлежит к разряду деятельности, силу которых чувствуют только те, на кого обращены они, кто непосредственно испытывает на себе их

действие... В преподавательстве много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести» [2, с. 351–352]. Но всегда в дидактике решаются два главных вопроса: 1) чему учить? и 2) как учить? Первый вопрос отражает содержание обучения, а второй – методику преподавания (цели, принципы и приемы). Риск минимальный, если предположить, что обе категории взаимосвязаны. Легко сказать, но трудно увидеть эту связь. С одной стороны, именно дидактика определяет объем и структуру содержания образования. С другой стороны, есть утверждения, что содержание обучения обуславливает его дидактику и методику. Например, М. К. Каминский писал: «Только через криминалистическое понимание содержания деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений можно сформулировать цели обучения криминалистике, отобрать и правильно скомпоновать учебный материал... Проектирование обучения отдельной учебной дисциплины есть проблема не только дидактическая, но и конкретно научная» [3, с. 10].

По сути, имеем разные, но сообщающиеся сосуды. Логично предположить, что уровни наполнения этих сосудов также бывают различны. Если содержимого через край, то возникает проблема его доставки: «То, что было сказано, не обязательно донеслось». Не было условий и дидактических средств. Однако бывает ситуация, когда содержимого на доньшке, тогда обучение беспредметно. Напрашивается простой вывод: содержание и методика обучения должны быть адекватны, изоморфны, должны гармонично соответствовать друг другу. Как добиться этого соответствия? Какая часть – содержательная или методическая (дидактическая) – должна быть ведущей?

Нужно согласиться с мудростью тех, кто утверждает: «Не верьте тому, кто говорит, что о всяком сложном можно сказать просто. Сложное есть сложное» [4, с. 34]. А если учесть, что педагоги имеют разную степень подготовки по содержанию и методике обучения, а если учесть бесконечное различие – наследственное и приобретенное – тех, кто обучается, можно предположить, что невозможно учить всех одинаково, затрачивая одинаковое время. В этом случае всякая дидактика бессильна.

Судя по всему, на роль ключевого фактора в современной криминалистической дидактике предлагается категория «криминалистическое мышление». Так, Н. П. Яблоков подчеркивает, что такое мышление позволяет его обладателю «из выявленных и должным образом оцененных следов, ничтожнейших побочных обстоятельств сделать выводы, связать указанные следы и обстоятельства логически и сплести из них “крепкую нить” фактических данных...» [5, с. 156]. Всё верно, но как «связывать» и «сплести» такую нить – это осталось проблемой «черного ящика» (термин, используемый для обозначения системы, внутреннее устройство и механизм работы которой очень сложны, неизвестны или неважны в рамках данной задачи). И всё же профессор Н. П. Яблоков и его ученик увидели в этой проблеме немалую перспективу и выдвинули идею о создании новой криминалистической теории – «теории криминалистического мышления» [6, с. 232].

Как по команде, стали рождаться дефиниции. Например, Д. В. Бахтеев определил криминалистическое мышление как «совокупность личностных установок познающего субъекта и базирующихся на них способов познавательной деятельности, позволяющих воспринимать и обрабатывать фрагментированную, неполную информацию в целях выявления и объяснения преступного события» [7, с. 216]. Возникает вопрос: каковы способы познавательной деятельности, позволяющие воспринимать и обрабатывать фрагментированную информацию? Снова – дежурный «черный ящик».

А. Б. Соколов предложил понятие «криминалистическое мышление» толковать как «интеллектуальную деятельность лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, а также предварительное расследование, которая выражается в познании значимых явлений, событий и фактов объективной действительности с учетом имеющихся знаний, их осмыслении, проектировании модели результата при выборе оптимального решения в организационно-тактическом плане на определенный момент» [8, с. 69]. Здесь – познание, моделирование и принятие решений, соответствующих определенному моменту.

Д. А. Степаненко выделила основные элементы криминалистического мышления: 1) опосредованное отражение «следовой картины» события преступления; 2) поиск связей в системе «преступник – деятельность – среда – результат преступной деятельности»; 3) реконструкция события преступления; 4) сбор доказательственной и иной криминалистически значимой информации [9, с. 15]. Можно видеть в этом определении структуру «ядра профессионального мышления следователя». Правда, не совсем понятно, почему Д. А. Степаненко имеет в виду только следователя. Мало чем отличается такое «ядро» от профессионального мышления оперативного работника и дознавателя.

А. Ю. Головин «в базовом варианте» предлагает «определить криминалистическое мышление как основанный на криминалистических знаниях, навыках и опыте субъектов криминалистической деятельности интеллектуальный процесс постановки и решения ими различных задач судопроизводства» [10, с. 66]. Во-первых, автор определения ошибочно полагает, что такое мышление базируется только на криминалистических знаниях. Основа любого мышления – знания из любых отраслей науки. Во-вторых, термин «криминалистическая деятельность», на наш взгляд, не является корректным. По причине того, что в какой-то – адвокатской, прокурорской, судебной – деятельности используются криминалистические средства, она не становится криминалистической. Агроном, использующий статистику, не становится статистиком. Экспертная форма деятельности, в которой применяются криминалистические знания, не становится криминалистической, так же как следственная и оперативно-розыскная.

Представлены и другие определения, отличающиеся как по объему, так и по редакции, но не по сути [11–13]. При этом сущность становится всё более размытой и всё более абстрактной. На это сильнейшим образом влияет и различие в общем методологическом подходе. Одни авторы настаивают на криминалистической подготовке, другие – на криминалистическом обучении, третьи – на криминалистическом образовании [14–16]. Если, например, М. К. Каминский и В. Г. Коломацкий связывают криминалистическую подготовку исключительно с потребностями выявления, расследования и раскрытия преступлений [15], то В. Я. Колдин и О. А. Крестовников – с нуждами профессиональной юридической деятельности правоприменителей [17]. В принципе подготовку, обучение и криминалистическое образование можно считать синонимами. Правда, целеполагание и алгоритмы криминалистического мышления в этом случае различны. Так или иначе, речь идет о нормальном («штатном») человеческом мышлении, которое называется простым здравым смыслом. Пожалуй, нет особого «ботанического» мышления, не существует специального «химического» мышления или «биологического». В самом деле, озабоченность дамы, разглядывающей загадочное пятно на платье, мало чем отличается от версионного мышления следопыта, который расшифровывает интеллектуальный подлог в документе. Да, здесь существует разница в «теоретической нагруженности опыта», под которым всякий разумеет только свой собственный [18, с. 54]. Получается так: нельзя противопоставлять версионное мышление и здравый смысл, но различать необходимо.

Признаки различия, на наш взгляд, таковы. Во-первых, так называемый здравый смысл не претендует на собственное истолкование. Версионное мышление (моделирование) выделяется как обособленный прием научного анализа, входящий в инструментарий, с помощью которого происходит приращение научного знания. Во-вторых, могущество здравого смысла следует трактовать скорее как «смещение линии горизонта, по мере приближения открывающее новую перспективу при сохранении направления движения» [19, с. 25]. Версионное мышление, как правило, связано с перемещением на новую позицию с новой перспективой. В-третьих, здравый смысл не слишком обременен заботой о собственной технологии мышления. Между тем наука должна постоянно заботиться о своей технологии и аналитических инструментах – соответствует ли качество и уровень версионного моделирования поставленным научным и прикладным задачам.

Надо признать, что в криминалистике нет задач, не связанных прямо или косвенно с версионным моделированием. Однако в обоих случаях мысленное моделирование носит вероят-

ностный, версионный характер. Потому, по нашему мнению, ключевой задачей частной дидактики является формирование у будущего оперативного работника, дознавателя и следователя версионного стиля мышления в отношении следующих типов действий:

а) *мыслительные* (версионное предвидение наличия следовых картин, обработка информации);

б) *практические* (обнаружение, фиксация, изъятие носителей информации, превращение информации в доказательства).

При стандартном обучении на юридических факультетах университетов и в юридических институтах упражняться в практических действиях – по разным причинам – совсем не просто, если иметь в виду реальную проверку построенных версий. Потому срабатывает постулат: «Научи мозг, а мозг научит тело».

Конечно, воплощением «дидактической концепции прошлого» был и остается учебник, в котором могут меняться авторы, годы издания и др., но содержание остается относительно стабильным. Устойчивы и недостатки. Во-первых, в таком учебнике наблюдается крен в сторону общеуголовных преступлений. Во-вторых, расследование преступления (в соответствии с таким учебником), как правило, начинается с обстоятельств, подлежащих установлению. Либо с момента возбуждения уголовного дела, или же со следственных действий [20, с. 704]. Между тем известно, что обстоятельства, подлежащие установлению, – это следствие работы над версиями, а следственные действия – средства их проверки [21]. В-третьих, большинство рекомендаций в рассматриваемом «стандартном» учебнике адресованы следователю (дознавателю). Хотя первые признаки преступлений в сфере экономики выявляются в рамках ОРД. Соответственно, с данного момента должна начинаться реализация технологии версионного криминалистического мышления. Однако таковой не существует. Вернее, таковая существует как методологическая категория, которой в прикладном отношении трудно воспользоваться. Ситуация обычная, когда нет научной и нет дидактической концепции формирования в учебном процессе версионного стиля криминалистического мышления. Казалось бы, «дидактическая сообразительность» говорит о том, что сначала нужно подготовить новый – по содержанию и структуре – учебник по криминалистике. Однако сработал индуктивный подход.

В 1987 г. на международном методологическом семинаре в МГУ им. М. В. Ломоносова была организована презентация научной концепции кафедры криминалистики Горьковской высшей школы МВД СССР. Системообразующим пунктом этой презентации явился алгоритм криминалистического версионного стиля мышления, который воплощен в оригинальной «Карте криминалистического анализа информации и принятии решений». Однако в представленной технологии версионного анализа исходной информации и обоснования тактических и процессуальных решений оперативным работником и следователем нашли воплощение результаты интенсивной научно-исследовательской работы кафедры. Она велась по следующим направлениям:

1) создание типологии экономико-криминальных схем преступной деятельности в сфере экономики [22];

2) формирование функциональной модели структуры деятельности по выявлению и расследованию преступлений [23];

3) разработка новой логической структуры общей (базовой) методики расследования преступлений [24];

4) существенная корректировка методологических положений относительно цели и уровня доказывания в методике расследования отдельных видов и групп преступлений [25].

Одновременно шел процесс структуризации учебного материала и конструирования опорных сигналов («мемов») для упрощения мнемотехники – приемов запоминания.

Итак, первым шагом алгоритма версионного мышления является диагностика «ножниц» – расхождения между тем, как должно быть и как есть (между «должным и сущим»). Такое расхождение может быть диагностировано как признак преступления, как административное правонарушение или как гражданское правоотношение. Здесь «нагруженность опыта» пред-

ставляет собой познанные закономерности образования следов с малой степенью контраста с фоновым окружением.

Второй шаг – формирование (построение) версий, которое связано, по нашему мнению, с единым (слитным) процессом их построения-разработки. Формирование частных и общей версий – контролируемый волевой процесс, направляемый знаниями о «сквозных» взаимосвязях элементов преступной деятельности. Версия никогда не бывает «чистым мысленным продуктом», который не определялся бы предшествующим («опережающим») знанием. Поэтому, с одной стороны, структура преступной деятельности ориентирует на определенные виды частных версий, а частные версии, в свою очередь, должны соответствовать указанной структуре.

Таким образом, закономерности исследования преступной деятельности должны соответствовать закономерностям разработки версий при расследовании преступлений.

Можно сколь угодно долго «высисживать» и «прокачивать» версии, реальности в них не прибавится. Для одного человека (например, оперативного работника) та или иная версия представляется до того ясной и логичной, что он готов принять ее за истину. Для другого человека (следователя, судьи) то же самое кажется и не явным, и не логичным, и не истинным. Арбитром здесь может выступить только практика. И роль моста, соединяющего версионные следствия с объективной действительностью, выполняет план проверки версий, он же план расследования. Это третий шаг в алгоритме версионного мышления «расследователя».

Выделение версионного мышления в относительно самостоятельную процедуру при расследовании преступлений имеет достаточные основания. Во-первых, так или иначе, перед нами – гипотетическая форма мышления в ходе расследования преступлений. Именно она доминирует в умственных действиях сотрудников органов дознания и следствия независимо от того, сознают ли это участники расследования.

Во-вторых, перечень задач версионного анализа информации не остается неизменным применительно к каждой стадии расследования. Один тип задач доминирует на одной стадии, другой – на последующих.

Версионный стиль мышления – *это процесс восприятия и переработки исходных данных, который основывается на условно-вероятностном силлогизме: «если... то, вероятно...» и ставит своей целью установить и использовать закономерные связи и отношения в версионных и прогностических моделях механизма преступной деятельности.*

Как известно, труднее всего увидеть то, что кажется простым и лежит прямо перед тобой. Дидактический «заход на проблему» произошел не по причинам внешнего свойства или внезапного озарения, а по нужде учебно-методического характера. Для систематического тренажа на практических занятиях потребовалось создать так называемую «карту криминалистического анализа исходной информации». С одной стороны, она представляла собой более или менее удачный алгоритм построения версий и принятия обоснованных решений по проверке версий. С другой стороны, в дидактическом отношении указанная карта явилась основой организации и проведения практических занятий по криминалистической методике расследования отдельных видов преступлений. При этом установлено, что существующие криминалистические характеристики преступлений, как правило, не годятся для весьма жестких методических правил версионного мышления. Они не соответствуют по крайней мере следующим требованиям:

- 1) выделенные в рамках кримхарактеристики элементы и признаки определенного вида преступлений не всегда существенны (например, дается возраст преступников, но не излагается характеристика преступных связей субъектов);

- 2) не установлены параметры встречаемости и корреляции таких связей;

- 3) при использовании статистических методов наблюдается методологический изъян – «профили» индивидуальных преступных проявлений не сохраняются, а суммируются, что приводит к разрушению факторных зависимостей.

Наконец, в рассматриваемых характеристиках отсутствует главное – нет иерархического «древа» типовых версий применительно к методикам расследования отдельных видов пре-

ступлений, в силу чего такими характеристиками крайне трудно воспользоваться на практике для работы с версиями. Такие схемы-модели криминалистических характеристик невозможно верифицировать.

Надо признать: произошла временная потеря дидактической ориентации. Спаса ситуацию объективная закономерность: общая методика расследования существует как «зеркальное» отражение общей же криминалистической характеристики преступной деятельности. Иначе говоря, в «ответ» на типичную преступную деятельность «расследователи» действуют столь же типично. При многократном повторении аналогичных целей, задач и процедур расследования закономерным образом формируется поэтапная, устойчивая программа (технология) версионного мышления.

Структура версионного мышления, независимо от форм деятельности субъектов расследования, имеет универсальную логику, основанную на условно-вероятностных суждениях по типу «если ..., то, вероятно, ...»:

- а) если исходная информация достоверна, то, вероятно, действующими лицами могут быть такие-то субъекты преступления;
- б) если это так, то, по-видимому, они действовали таким-то образом;
- в) если это было так, то, скорее всего, последствия этих действий отобразились в таких-то источниках информации (следах);
- г) если это так, то, вероятно, с помощью этих источников можно решить такие-то вопросы (установить определенные обстоятельства);
- д) если поставлены такие-то вопросы, то их следует решать такими-то средствами (оперативно-розыскными мерами, следственными действиями и организационными мероприятиями);
- е) если запланированы процедуры, то, возможно, технические средства и тактические приемы повысят их эффективность.

Для формирования криминалистического – версионного – стиля мышления существенно, что любая учебная фабула для практического тренажа преподавателем никогда не дается целиком и сразу. В противном случае пропадает педагогическая интрига. Исходная информация дается порционно, по вводным: № 1, № 2 и т. д. Вводная – это источник информации и краткое содержание. Здесь обучаемый начинает использовать формулу: «если ..., то, вероятно, ...». Далее он выходит на процедуры проверки своих версий. И снова – вводная. На каждую вводную отводится определенное время (от 3 до 7 минут). Обучаемому становится ясно, правильно ли выдвинута версия, правильно ли она разработана, правильно ли запланирована ее проверка. Если оказывается, что не совсем так (судя по содержанию очередной вводной), то немедленно вносятся коррективы и дополнения. Это и есть тренаж криминалистического стиля мышления – формирование динамического стереотипа. Обычно на одно практическое занятие требуется 4–7 вводных, которые заканчиваются более или менее ясной перспективой уголовно-процессуального или иного юридического решения. Меняются фабулы, но алгоритм версионного мышления остается прежним.

Таким образом, сознательное версионное мышление криминалиста протекает в словах, и не иначе. Обучаемый должен верить в свои мысли, ощущать их и даже видеть в упомянутой карте версионного анализа информации. Алгоритм версионного мышления является универсальной технологией подготовки и принятия обоснованных тактических и уголовно-процессуальных решений. Результатом систематического тренажа на практических занятиях должен стать уровень автоматизма версионного мышления: в ответ на типичную информацию – типичный ход мысли и типичное решение.

Призывы к объединению усилий ученых и практиков следует понимать однозначно: криминалисты в поте лица своего должны добывать факты науки – объективные закономерности; преподаватели криминалистики обязаны учить устойчивому алгоритму версионного мышления, т. е. тому, что потребуется в юридической работе, в том числе в деятельности следователя, дознавателя и оперативного работника.

Список литературы

1. **Каменский Ян Амос.** Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955. 161 с.
2. **Ключевский В. О.** С. М. Соловьев как преподаватель // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): Сб. ст. / Сост. Ю. Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 735 с.
3. **Каминский М. К.** Проектирование и реализация курса криминалистики в специализированном вузе МВД СССР: Учеб. пособие. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1982. 160 с.
4. **Амосов Н. М.** Алгоритмы разума. Киев: Наук. дум., 1979. 224 с.
5. **Яблоков Н. П.** К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2012. С. 156–159.
6. **Яблоков Н. П., Головин А. Ю.** Криминалистика: природа, система, методологические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2009. 288 с.
7. **Бахтеев Д. В.** Понятие и признаки криминалистического мышления // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 216–222.
8. **Соколов А. Б.** Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2013. № 4. (55). С. 68–72.
9. **Степаненко Д. А.** К вопросу об определении категории «криминалистическое мышление» // Российский следователь. 2016. № 7. С. 13–17.
10. **Головин А. Ю.** К вопросу о понятии «криминалистическое мышление» // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч.-практ. ст. / Под общ. ред. И. М. Комарова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 60–66.
11. **Шамшиев П. А.** Взгляды на содержание криминалистического мышления // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2015. С. 125–129.
12. **Шамшиев П. А.** Криминалистическое мышление как состояние «открытости ума» при решении следственных задач // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3. С. 119–121.
13. **Шутемова Т. В.** Создание теории криминалистического мышления – осознанная необходимость // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 128–132.
14. **Комаров И. М.** Отечественная криминалистическая дидактика // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч.-практ. ст. / Под общ. ред. И. М. Комарова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 194–209.
15. **Коломацкий В. Г.** Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика: В 3 т. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1995. Т. 1: История, общая и частные теории. 280 с.
16. **Колдин В. Я.** Обоснование правового решения. Фактологический анализ: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 512 с.
17. **Колдин В. Я.** Правоприменительная деятельность как предмет науки и обучения // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2012. № 3. С. 41–56.
18. **Малкей М.** Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. 253 с.
19. **Сапле Ф.** Поиски философского понимания научных теорий // Научные теории: структура и развитие. М.: Наука, 1978. С. 23–32.
20. **Криминалистика: информационные технологии доказывания: Учебник для вузов / Под ред. В. Я. Колдина.** М.: Зерцало-М, 2007. 752 с.

21. **Лапшин В. Е., Лубин А. Ф.** О некоторых инновационных технологиях обучения, используемых кафедрой криминалистики Нижегородской академии МВД России // Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России: Сб. ст. / Под ред. Е. Е. Черных. Н. Новгород: НА МВД России, 2018. С. 118–124.
22. **Лубин А. Ф.** О методологии криминалистических исследований // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: Материалы конф. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 18–19 октября 2010 г.): В 2 т. М.: МАКС Пресс, 2010. Т. 2. С. 124–129.
23. **Журавлев С. Ю., Каныгин В. И., Лубин А. Ф.** Расследование экономических преступлений: Учеб.-метод. пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 496 с.
24. **Берзинь О. А., Лубин А. Ф., Шувалов Н. В., Резван П. А., Зырянов В. В.** Частная методика преподавания дисциплины специализации «Расследование преступлений, совершаемых в сфере экономики»: Учеб.-метод. пособие. М.: ИМЦ ГУК МВД РФ, 2004. 64 с.
25. **Лубин А. Ф.** О цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Международная науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии: В 2 т. Екатеринбург: УрГЮА, 2005. Т. 2. С. 234–245.

References

1. **Kamensky Yan Amos.** Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. Moscow, Uchpedgiz, 1955, 161 p. (in Russ.)
2. **Klyuchevsky V. O.** S. M. Solov'ev kak prepodavatel'. In: Moskovskij universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755–1917). Comp. by Yu. N. Emelyanov. Moscow, Sovremennik, 1989, 735 p. (in Russ.)
3. **Kaminsky M. K.** Proektirovanie i realizaciya kursa kriminalistiki v specializirovannom vuze MVD SSSR. Gorky, Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1982, 160 p. (in Russ.)
4. **Amosov N. M.** Algoritmy razuma. Kiev, Naukova dumka, 1979. 224 p. (in Russ.)
5. **Yablokov N. P.** K voprosu o kriminalisticheskom myshlenii. In: Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti. Tomsk, 2012, pp. 156–159. (in Russ.)
6. **Yablokov N. P., Golovin A. Yu.** Kriminalistika: priroda, sistema, metodologicheskie osnovy. 2nd ed. Moscow, Norma, 2009, 288 p. (in Russ.)
7. **Bakhteev D. V.** Ponyatie i priznaki kriminalisticheskogo myshleniya. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 216–222. (in Russ.)
8. **Sokolov A. B.** Kriminalisticheskoe myshlenie: ponyatie i sodержanie. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2013, no. 4 (55), pp. 68–72. (in Russ.)
9. **Stepanenko D. A.** K voprosu ob opredelenii kategorii “kriminalisticheskoe myshlenie”. *Rossijskij sledovatel'*, 2016, no. 7, pp. 13–17. (in Russ.)
10. **Golovin A. Yu.** K voprosu o ponyatii “kriminalisticheskoe myshlenie”. In: Otechestvennaya kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. Ed. by I. M. Komarov. Moscow, Yurlitinform, 2020, pp. 60–66. (in Russ.)
11. **Shamshiev P. A.** Vzglady na sodержanie kriminalisticheskogo myshleniya. In: III Baltijskij yuridicheskij forum “Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii”. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad, Kaliningradskij filial SPbU MVD Rossii, 2015, pp. 125–129. (in Russ.)
12. **Shashiev P. A.** Kriminalisticheskoe myshlenie kak sostoyanie “otkrytosti uma” pri reshenii sledstvennykh zadach. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no. 3, pp. 119–121. (in Russ.)
13. **Shutemova T. V.** Sozdanie teorii kriminalisticheskogo myshleniya – osoznannaya neobkhodimost'. In: Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya Zaslužennogo deyatelya nauki RF, Zaslužennogo yurista RSFSR, doktora yuridicheskikh

- nauk, professora Nikolaya Pavlovicha Yablokova. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 128–132. (in Russ.)
14. **Komarov I. M.** Otechestvennaya kriminalisticheskaya didaktika. In: Otechestvennaya kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. Ed. by I. M. Komarov. Moscow, Yurlitinform, 2020, pp. 194–209. (in Russ.)
 15. **Kolomatsky V. G.** Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del po rassledovaniyu prestuplenij. In: Kriminalistika. In 3 vols. Moscow, Akad. MVD Rossii Publ., 1995, vol. 1, 280 p. (in Russ.)
 16. **Koldin V. Ya.** Obosnovanie pravovogo resheniya. Faktologicheskij analiz. 2nd ed. Moscow, 2014, 512 p. (in Russ.)
 17. **Koldin V. Ya.** Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' kak predmet nauki i obucheniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2012, no. 3, pp. 41–56. (in Russ.)
 18. **Malkej M.** Nauka i sotsiologiya znaniya. Moscow, Progress, 1983, 253 p. (in Russ.)
 19. **Saple F.** Poiski filosofskogo ponimaniya nauchnyh teorii. In: Nauchnye teorii: struktura i razvitie. Moscow, Nauka, 1978, pp. 23–32. (in Russ.)
 20. **Koldin V. Ya.** (ed.). Kriminalistika: informatsionnye tekhnologii dokazyvaniya Moscow, Zertsalo-M, 2007, 752 p. (in Russ.)
 21. **Lapshin V. E., Lubin A. F.** O nekotorykh innovatsionnykh tekhnologiyakh obucheniya, ispol'zuemykh kafedroy kriminalistiki Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. In: Chernykh E. E. (ed.). *Peredovoj opyt i problemy profilizacii uchebnoj, uchebno-metodicheskoy i nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii*. Nizhny Novgorod, NA MVD Rossii, 2018, pp. 118–124. (in Russ.)
 22. **Lubin A. F.** O metodologii kriminalisticheskikh issledovanij. In: Rol' kafedry kriminalistiki yuridicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova v razvitiy kriminalisticheskoy nauki i praktiki. In 2 vols. Moscow, MAKS Press, 2010, vol. 2, pp. 124–129. (in Russ.)
 23. **Zhuravlev S. Yu., Kanygin V. I., Lubin A. F.** Rassledovanie ekonomicheskikh prestuplenij. Moscow, COKR MVD Rossii, 2005, 496 p. (in Russ.)
 24. **Berzin O. A., Lubin A. F., Shuvalov N. V., Rezvan P. A., Zyryanov V. V.** Chastnaya metodika prepodavaniya discipliny specializacii "Rassledovanie prestuplenij, sovershaemykh v sfere ekonomiki". Moscow, IMC GUK MVD RF, 2004, 64 p. (in Russ.)
 25. **Lubin A. F.** O tseli dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve. In: Mezhdunarodnaya nauch.-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 50-letiyu kafedry ugolovnogo protsessa Ural'skoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. In 2 vols. Ekaterinburg, UrGYuA, 2005, vol. 2, pp. 234–245. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Федорович Лубин, доктор юридических наук, профессор

Information about the Author

Alexander F. Lubin, Doctor of Sciences (Law), Professor

*Статья поступила в редакцию 05.08.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 05.08.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*